Есть актеры, которые вроде мелькают, а не интересуют абсолютно никого, кроме своих родственников и друзей. Татьяна ДОГИЛЕВА интересует, не скажем, что всех — но очень и очень многих. Она таинственна и непонятна. Начиная со своей первой театральной работы в «Жестоких играх» Арбузова—Захарова, включая, разумеется, и громкую «Блондинку за углом» и бездну иных фильмов — она не перестает задавать загадки. Ну, а если есть к актрисе интерес — почему бы с ней не поговорить по душам?

ТАТЬЯНА ДОГИЛЕВА:

"Я капризна и истерична"

— Таня, я понимаю, что последние полгода вы были вырваны из сегодняшнего дня и погрузились в другие ритмы, страсти, другую жизнь — мир древнегреческой трагедии, созданный Петером Штайном в Театре Армии. Что нового вы поняли про себя и открыли для себя, играя в «Орестее» Эсхила?

— Ну, во-первых, был нанесен удар по моей самоуверенности. Мне-то казалось, что я все про все понимаю... И первое, что я заявила Штайну, когда он пригласил меня играть в «Орестее»: «Зачем вы взяли эту плохую пьесу? Не взять ли нам другую?» И только сейчас, пройдя через репетиции и отыграв больше двадцати спектаклей, я понимаю, насколько велик Эсхил и как был прав Штайн, когда утверждал, что ничего прекраснее «Орестеи» он не знает в драматургии. Второе открытие относится ко мне как профессионалу — этот спектакль требует каких-то особых методов подготовки организма к игре, которые я, видимо, не вполне понимаю, потому что один раз играю хорошо, другой — не очень. Это все очень важные уроки... И вообще после этого масштабного проекта мне все вокруг кажется таким маленьким.

— А у Михаила Мишина, наверное, в это время разыгрывалась совершенно другая трагедия — заброшенного мужа?

— Он видел мою измочаленность, мои нервы, слезы и очень помогал, поддерживал меня в этот период. Он был рад, что я принимаю участие в спектакле Штайна. И результат ему понравился. А когда появились недоброжелательные рецензии на спектакль и мое исполнение, он утешал меня словами: «Гора может не понравиться? Может! Гора запросто может не понравиться. Но не понравилась — гора!»

— Кстати, о горе, вы чувствуете себя за мужем как за каменной стеной, за горой?

— В том смысле, что в нужный момент он меня поддержит и пожалеет — да.

— А в материальном плане? Вы, например, можете сказать: «Дорогой, я так устала от этих съемок постоянных, спектаклей. Не хочу больше работать, хочу лежать на кровати, размышлять над жизнью, холить себя и лелеять»?

— Ну, во-первых, я никогда не произнесу этих слов, потому что самым важным для меня всегда была именно работа в кино, в театре — будет ли роль, будет ли успех? А потом, я с уважением отношусь к профессии мужа, а он — абсолютно вольный художник. К сожалению, наши профессии не дают стабильных доходов. Я по сути своей непритязательный человек, мне не нужны запредельные наряды, бриллианты. Но материальная нестабильность, совершенно реальная перспектива закончить дни на паперти, когда никому не станешь нужна, конечно же угнетают.

— Но вы хотя бы иногда позволяете себе в семье роль маленькой девочки — покапризничать, стать слабой и беззащитной?

— Мне хватает игры на сцене. Я вообще не люблю тех, кто подыгрывает. Нет, не осуждаю — у некоторых это хорошо получается. А я естественный человек. Только у меня характер плохой. Я истерична, капризна, эгоистична. Слава Богу, муж притерпелся. Но надо сказать, у Миши характер тоже не сахар. У него, правда, другие проблемы, он, мягко сказать, не лишен занудства. Если я свои эмоции выплескиваю в одно мгновение — с криком, слезами, с ощущением, что жизнь кончена, то у Миши это растягивается надолго.

— И кто чаще становится источником ссор при столь несхожих темпераментах?

— Мы как-то не ссоримся. Я взрываюсь, а он так потихоньку переждет, смотришь, я уже отошла.

— А сцены ревности?

— Я иногда даже расстраиваюсь, говорю: «Хоть бы ты приревновал меня, что ли. Или ты думаешь, я уже и не нужна никому?» А он отвечает: «Ах, отстань». Может, это кощунственно прозвучит, но я не против романов. Я считаю, что романы — это прекрасно, они украшают жизнь. Если только это не роковая любовь, которая становится трагедией для всего треугольника. Мы прожили с Мишиным десять лет, и он даже не муж уже, а часть меня. Я вижу все его недостатки, но знаю, что у меня их еще больше. Семейная жизнь — это безумно сложная вещь, и какой-нибудь красивый роман браку повредить не может. Хотя многие, наверное, не одобрят этих моих слов и будут всячески ругаться.

— Одно дело не возражать против романов, другое — заводить. У вас они были?

— Я, может, и закрутила бы, да у меня почему-то не получается. Впрочем, мой опыт показывает, что, будь ты святой-рассвятой, веди замкнутый образ жизни, о тебе все равно будут ходить совершенно дикообразные слухи. Например, мы давно знакомы и дружим с Олегом Меньшиковым. И в свое время все были убеждены, что у нас роман, и даже поженили нас. Его маме на работе объясняли, что у нас та-акая любовь. Я никого не разубеждала, и мы много хохотали по этому поводу.

— Вы вообще любите похохотать?

— Да, равно как и поплакать. Я плачу из-за всего подряд, но чаще, конечно, когда что-то расстраивает по работе. Бывает, сижу, сутками рыдаю. А смеюсь... Например, с Мишиным фильмы наши смотрим — хохочем. Или считаю, что какая-нибудь вечеринка удалась, когда на следующий день можно сказать: «Здорово похохотали!»

— Таня, расскажите последнюю шутку, которая вас развеселила.

— Ну вот сегодня еду в метро, задумалась глубоко, смотрю в окно, вдруг слышу: «Тань!» Я вздрогнула: «А?» — «Это ты?» «Я»,— говорю, а сама смотрю на окликнувшую меня пожилую женщину и пытаюсь вспомнить, где мы могли видеться. А она мне доверительно так сообщает: «Ну слава Богу, а то я думала, ошиблась. Ты ведь любимая артистка моей юности!» Я была потрясена: как же я могу быть любимой артисткой ее юности, если ей под шестьдесят? Потом рассказывала друзьям. Все смеялись.

— Когда на вас смотришь, кажется, что вы ужасно любите приодеться, покрасоваться, поразить...

— Как все женщины, я мечтаю, чтобы было много тряпок и все время появлялись новые. Но это абстрактно. А в жизни хожу в джинсах, свитере. Мне лень наряжаться, краситься. Я не из тех женщин, которые всегда хорошо выглядят.

— Вам не нравится чувствовать себя королевой, чтобы мужчины вокруг «падали и в штабеля укладывались»?

— В королеву мне не превратиться никогда. И Анну Каренину не играть. Мне даже не хочется ее играть, потому что я понимаю, что выглядела бы глупо в этой роли.

— А как же быть с тем, что в кино вам в последнее время все больше предлагают роли роковых женщин?

— Я не знаю, почему так происходит... Наверное, я старею.

— Может, вы и к восхищенным охам-ахам-вздохам с недоверием относитесь? Только не пытайтесь меня убедить, что вам не говорят комплиментов.

— Конечно, приятно, когда тобой восхищаются. Но не знаю... Ведь очень редко кто подойдет и скажет в глаза плохие слова. Предпочитают либо нейтральное, либо хорошее. Я знаю, что если тебя хвалят и говорят всякие красивые слова сегодня, то ровно столько же ругани и оскорблений ты услышишь потом через третьи руки.

— Бывало, и мужчины оскорбляли?

— Я ведь в основном вращаюсь в актерском мире, где половой признак вообще отсутствует. Как говорится: неважно, женщина ты, мужчина — все равно шпион. Вот и у нас обстановка, максимально приближенная к войне. Если честно, мне иногда очень хочется нанять рэкетиров, чтобы они хотя бы избили некоторых новоявленных продюсеров, которые тебя сначала обманут, унизят, а потом еще всюду будут ужасно трепать твое имя.

— Как водится, тихой гаванью, где можно отдохнуть немного от профессиональных бурь и передряг, становится дом, семья. Муж часто исправляет ваше плохое настроение, делая, скажем, милые презенты, преподнося приятные сюрпризы?

— У нас вообще-то проблемы с подарками, потому что Миша ничего не понимает в этих делах и все время говорит: «Купи все, что хочешь, себе сама».

— А цветы?

— Дарит. Да. Но по праздникам. Еще как сюрпризы я воспринимаю рассказы, которые Миша сочиняет по моей просьбе. У него есть несколько таких вещей, которые он написал, когда я уж очень сильно канючила. Одна мне особенно нравится, она называется «Моя жизнь в искусстве. Приключения кота Григория»— про то, как кот жил хорошей жизнью в общежитии, а потом волею случая оказался на съемочной площадке — и просто обезумел от всего происходящего и никак не мог понять, где он и что он. Все очень точно, я долго смеялась.

— Когда выдается свободный денек, вы предпочитаете целиком посвятить его себе любимой, понежить и побаловать себя или же целиком погружаетесь в хлопоты домашней хозяйки — кухня, стирка, уборка?

— Когда очень устаю — могу сутками лежать даже не на кровати, а в кровати и ничего не делать. Хозяйничать я просто не-на-ви-жу! Иногда как подумаю, что трачу часы, дни, годы на эту уборку проклятую, хождение по магазинам, хочется повеситься. Это, наверное, недостаток.

— Значит, вечеринкам на дому, которые требуют серьезной кулинарной подготовки, вы предпочитаете рауты и вылазки в рестораны? Таня Догилева — светская львица?

— Я не львица, а рыбка, если верить гороскопам. Был период, когда я обожала шумные тусовки, посиделки в ресторанах с вином. Мне казалось, что это богемный образ жизни, а я — богема. То было прекрасное время, веселое, я его очень хорошо вспоминаю. Но теперь и круг распался, и дорого все, да и время не то. Тогда казалось: все впереди, а будущее будет изумительно и прекрасно. Теперь почему-то не кажется. Поэтому уж лучше дома — сгруппируюсь, соображу что-то, в крайнем случае, если уж совсем тяжело будет — чай или кофе, с молоком или сахаром на выбор, с печеньем и разговорами на закуску.

— Друзья не обижаются, уходя несолоно хлебавши?

— Нет, они в курсе.

— Значит, вы уже не оставляете места романтике, если не в жизни, то хотя бы в кино?

— Меня сейчас не тянет на романтику. Слишком странное и страшное время. И мне претит, когда кино не имеет совсем никакого отношения к жизни. Не знаю, где бы сейчас я хотела сыграть... Может, в какой-нибудь современной пьесе, пусть даже сиюминутной.

Беседу вела
Гузель ГАЛИУЛЛИНА.

Фотограф Валерий ПЛОТНИКОВ.